

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2002
УДК 378.661:93(470)

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин, Л. Е. Горелова, В. Г. Игнатъев

ПОДГОТОВКА И ВВЕДЕНИЕ В ДЕЙСТВИЕ УСТАВА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА (КИЕВ), 1842 г.
Сообщение 2. Проект К. К. Зейдлица и его практическая реализация

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Москва

В начале 40-х годов XIX века профессор Петербургской медико-хирургической академии К. К. Зейдлиц справедливо считался одним из ведущих в России специалистов в области высшего медицинского образования. За его спиной было и участие во введении в действие устава академии 1835 г., и более чем успешная реформа преподавания клиники внутренних болезней, завершившаяся формированием первого самостоятельного клинического курса семиотики, и, наконец, участие в организации первых в России госпитальных клиник. Напомним, что именно он докладывал Академической конференции идею Н. И. Пирогова о целесообразности создания госпитальной хирургической клиники на базе госпиталя, и именно он выступил с инициативой распространения пироговского предложения на преподавание курса внутренней медицины¹. М. А. Маркус не случайно предложил его кандидатуру С. С. Уварову в качестве члена Временного медицинского комитета², и

когда 5 июня 1841 г. К. К. Зейдлиц подал свое "Мнение ... об учреждении в Киеве Медицинского факультета ..." ³, министр народного просвещения смог лично убедиться в этом.

"Мнение доктора Зейдлица ..." примечательно в нескольких отношениях. Во-первых, в отличие от записок Н. И. Пирогова (от 9 апреля и 18 мая 1841 г.), производящих впечатление наспех составленных рекомендаций, Мнение выглядело досконально продуманным планом комплексной реформы. По ясности мысли, четкости позиции, взвешенности формулировок, выверенности конструкции, потрясающей внутренней логичности и отсутствию даже малейших повторов оно должно быть отнесено к числу лучших образцов документов подобного рода и уже только поэтому не могло остаться без внимания высшего начальства.

Вторая отличительная особенность Мнения К. К. Зейдлица состояла в удивительной легкости и даже известном изяществе изложения чрезвычайно непростых для неподготовленного читателя вопросов. При этом использованные К. К. Зейдлицем сравнения и метафоры были настолько точны, а главное уместны, что позволяли значительно быстрее и легче вникнуть в суть разбираемых автором проблем и максимально точно оценить

¹Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Разработка и внедрение этапности клинического преподавания в Московском университете. — М., 2002. — С. 52—55.

²Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Оленева И. В. Организация временного медицинского комитета // Пробл. соц. гиг., здравоохран. и истории мед. — 2000. — № 6. — С. 48—50.

³РГИА, ф. 733, оп. 99, д. 701, л. 157—170 об.

предлагаемые нововведения. И, наконец, третье. Несмотря на то что под документом стояла только одна подпись (подпись К. К. Зейдлица), повествование в нем велось от лица всех членов Временного медицинского комитета. О причинах такой, мягко говоря, необычной формы подачи материала мы можем только догадываться. Сам К. К. Зейдлиц в тексте Мнения никаких объяснений не дает. Однако, вероятно всего, он просто не захотел повторять ошибок своего друга Н. И. Пирогова и, прежде чем вынести свои соображения на суд членов Временного медицинского комитета, предварительно согласовал их со всеми или по крайней мере с большинством коллег по комитету. А согласовывать было что...

В отличие от Н. И. Пирогова К. К. Зейдлиц не стал размениваться по "мелочам", не стал анализировать отдельные недостатки предыдущих реформ в области высшего медицинского образования и предлагать пути их устранения или коррекции, а счел для себя возможным поставить под сомнение весь политический курс высшего руководства империи в отношении университетского образования в целом и университетского медицинского образования в частности. Он прямо обвинил правительство Российской империи в том, что, создав высшие учебные заведения, оно одновременно сделало все возможное, чтобы "связать своих воспитанников путами предписаний и однообразия" и тем самым "подавить свободное развитие мыслящей способности"⁴. "Всюду Академическое учение, — указывал К. К. Зейдлиц, — получило название свободного; одна только несчастливая перемена понятий и какая-то недоверчивость, беспокоящая ограниченные умы при всяком неожиданном парении идей, старалась уронить и даже уничтожить эту академическую свободу..."⁵. В скобках заметим, что эти строки были написаны, а главное прочтены и одобрены "ограниченными умами" в 1841 г., т. е. в период так называемой николаевской реакции, известному либерализму которой в таком случае можно только удивляться. Надеемся, читатель извинит нас за эту ремарку, тем более что в дальнейшем мы постараемся не комментировать цитаты из "Мнения" К. К. Зейдлица. Постараемся не комментировать, во-первых, потому, что этот документ был не просто принят и одобрен Министерством народного просвещения, а взят за основу составления новых разделов устава Университета св. Владимира, а во-вторых, затем, чтобы в последующих публикациях, посвященных реформе 40–60-х годов, не лишать такой возможности подлинных участников событий тех лет — профессоров Московского университета.

Однако вернемся к тексту "Мнения доктора Зейдлица...". Автор документа считал, что основными механизмами "связывания... воспитанников путами предписаний и однообразия", а следовательно, и механизмами подавления "свободного развития мыслящей способности" служили: фиксированный срок обучения на факультетах; курсовая система организации учебного процесса; строго установленные учебные планы и программы. Все то, за что в конце XVIII — начале XIX веков в буквальном смысле слова сражались Г. Ван-Свитен и И. П. Франк в Австрии, Фуркруа и Дезо во Франции, Ю. Х. Лодер и М. Я. Мудров в России, К. К. Зейдлиц назвал "тремя жалкими идеями, следующими по стопам друг за другом", результатом которых служит "принужденное учение, в предписанные сроки, по курсам и планам"⁶.

Немедленный и полный отказ от этих "атрибутов школьного образования" должен был, по замыслу петербургского профессора, "доставить университетам главное условие их полноценного развития" — превратить университеты в целом и каждый из факультетов в отдельности в "нечто вроде ученого базару, где все объявляется продажным: студенты — купцы, имеющие полную свободу..."⁷.

К "базару" К. К. Зейдлиц предъявил только два, но достаточно жестких требования: высокое качество "товаров" и достойные этих "товаров" "покупатели". В отношении "покупателей" автор Мнения прямо заявил, что ими могут быть только те молодые люди, которые, во-первых, сами хотят получить высшее образование, а во-вторых, достаточно подготовлены для обучения в университете. "...Мы считаем необходимым, — писал, в частности, К. К. Зейдлиц, — дозволить вступать в Медицинский факультет только тем, кто в состоянии учиться свободно и прямо, без всякого принуждения"⁸. Решить проблему отбора именно этих молодых людей Зейдлиц предлагал за счет установления этих процедуры вступительных экзаменов и возрождения "прежнего обычая нашего века: сначала учиться Философии, а потом уже Медицине", поскольку всякая специальная учения

часть, а особенно Медицина, есть только придаток к сумме уже существующих чисто гуманистических сведений"⁹.

Что же касается "товаров" и их качества, то в этом вопросе К. К. Зейдлиц занял еще более бескомпромиссную позицию. "Медицинский Университетский Факультет, — отмечал К. К. Зейдлиц, — должен доставить учащимся Медицине все возможные средства для приобретения всех сведений по этому предмету и все способы для полного усовершенствования"¹⁰.

К. К. Зейдлиц полностью отдавал себе отчет в том, что "доставить учащимся... все возможные средства для приобретения всех сведений по ... предмету", а главное, обеспечить "полное усовершенствование" в пределах курса обучения на медицинском факультете — задача чрезвычайно сложная, если вообще выполнимая. Однако, являясь последовательным сторонником одноэтапной модели подготовки врача, он полностью исключал возможность возврата к послеуниверситетской практической стажировке как обязательному элементу формирования специалиста-практика и считал необходимым решать эту задачу прежде всего за счет пересмотра перечня и содержания учебных курсов, преподававшихся на медицинском факультете. Здесь К. К. Зейдлиц был особенно категоричен. Как и Н. И. Пирогов, он считал, что учебные программы медицинского факультета перегружены абсолютно ненужными для будущих врачей предметами, которые, с одной стороны, отнимают у студентов драгоценное время, а с другой — отвлекают их внимание от главных дисциплин. Исходя из этого, К. К. Зейдлиц выступил с предложением полностью исключить из перечня учебных предметов медицинского факультета все гуманитарные и общеобразовательные науки. "Г. Д. Спасский хочет, чтоб из гуманистических приуготовительных наук читались: Логика, Психология, Антропология, Физика, Химия и Естественная История..., — писал К. К. Зейдлиц, обращаясь к уже упоминавшемуся нами в предыдущем сообщении проекту И. Т. Спасского. — Но все эти науки находятся в такой же точно связи с прочими Факультетами, как и с Медицинским. Нет никакой особенной причины, почему бы именно медик должен был слушать Логик, Психологию, Антропологию и т. д.: науки эти столько же необходимы Теологу, Юристу, Психологу, если они хотя бы с отличием обрабатывать свои части. Можно бы спросить: отчего медику не слушать лекций о Морали, Эстетике, Политической Истории и Экономии, если он осужден слушать Логик?"¹¹

Столь же категоричен был К. К. Зейдлиц и в отношении курсов ботаники, зоологии и минералогии. "... В отношении к Натуральной Истории, — указывал, в частности, К. К. Зейдлиц, — очень сомнительно, чтобы преподавание ее могло принести особенную пользу медику. Всякому вообще ученому необходимы некоторые естественно-исторические познания, а не врачу, как ученому"¹². В качестве одного из доказательств этого тезиса К. К. Зейдлиц предложил абсолютно безотказную с точки зрения убедительности для высшего начальства логическую конструкцию: "Сиденгам, Штольц, Фр. Гофманн, Бюргов, которых врачебная деятельность имела существенное влияние на развитие и усовершенствование Практической медицины, ничего не знали о нынешних успехах Натуральной Истории, их понятия о Физике и Химии должно считать ошибочными. — Неужели ошибочные сведения сделали их великими врачами?"¹³

Вывсвободившееся за счет устранения из числа учебных предметов медицинского факультета перечисленных выше дисциплин время К. К. Зейдлиц полагал необходимым израсходовать на значительное увеличение объема преподавания собственно "врачебных наук". При этом он обращал особое внимание на тот факт, что преподавание всех без исключения "врачебных наук", а также анатомии, физиологии и фармацевтических дисциплин должно быть существенно более практически ориентированным. "Разделение медицинской науки на теоретическую и практическую, — указывал К. К. Зейдлиц, — не может относиться к ее преподаванию: Анатомия, Терапия, Акушерство, например, превратятся в простые рассказы, если их станут читать с кафедры, как это и бывает, если части тела человеческого, болезни и пр. только будут описываться, а не показываться в натуре"¹⁴. Сам по себе разговор о необходимости более наглядного преподавания "врачебных наук", внедрения в учебный процесс практических форм обучения для начала 40-х годов XIX века был уже не нов. Об этом говорили и писали десятки профессоров российских университетов, так или иначе принимавших участие в реформах высшего медицинского образования первой трети XIX века. Но К. К. Зейдлиц вновь поднял эту проблему не

⁴РГИА, ф. 733, оп. 99, д. 701, л. 157 об.—158.

⁵Там же, л. 158 об.

⁶Там же, л. 158 об.

⁷Там же, л. 159.

⁸Там же, л. 160.

⁹Там же.

¹⁰Там же, л. 159—159 об.

¹¹РГИА, ф. 733, оп. 99, д. 701, л. 160 об.—161.

¹²Там же, л. 161.

¹³Там же, л. 161—161 об.

¹⁴Там же, л. 163.

только потому, что считал ее все еще не решенной. Его беспокоили не столько темп и объем внедрения наглядных форм обучения, сколько целевая установка этого внедрения. Он полагал, что любые демонстрации и даже практические занятия совершенно бесполезны, если служат лишь целям более легкого и эффективного усвоения учебного материала или, как писал К. К. Зейдлиц, "описательной части" той или иной науки. Не случайно, анализируя уровень практической подготовленности выпускников российских медицинских вузов, К. К. Зейдлиц прямо указывал, что "экзаменованный врач походит на книгу, которая все в себе содержит, но ничего не может привести в действие"¹⁵. По мнению К. К. Зейдлица, выходом из этого положения может и должна служить переориентация преподавания курсов "врачебных наук", предусматривающая приоритет прикладного знания и выработку практических навыков над "описательной" составляющей любой из "врачебных наук". К. К. Зейдлиц был убежден, что подобная переориентация позволит полностью избежать не только необходимости возврата к прежней двухэтапной модели подготовки врача, но и увеличения срока пребывания студентов на медицинском факультете.

В заключении своего Мнения К. К. Зейдлиц высказал ряд соображений в отношении того, как должен быть организован учебный процесс в условиях "учебного базару". Напомним, что Зейдлиц был противником разработки каких-либо учебных программ, которые, с его точки зрения, в ряду "трех жалких идей" были самым большим злом. Вместе с тем он прекрасно понимал, что студенты, изучающие медицину, должны осваивать отдельные науки в определенной последовательности, и поэтому в качестве альтернативы учебным программам предложил разбить весь перечень учебных дисциплин, составлявших курс обучения на медицинском факультете, на несколько групп предметов. "... В отношении к чисто медицинским занятиям, — писал, в частности, К. К. Зейдлиц, — можно предложить следующее, как программу... или порядок, в котором различные предметы с пользою могут быть усвоены. Они составляют 8 групп и относятся к познанию:

- а) Строения здорового и больного человеческого тела: физиологическая и патологическая анатомия;
- б) Развития человека и развития нормальных и болезненных перемен в его системах и органах: история развития до времени рождения на свет, морфология и физиология в здоровом и больном состоянии;
- в) Средства к поддержанию нормального состояния человека: диететика, гигиена, повивальное искусство;
- д) Средства к возвращению измененного состояния в нормальное: фармакология и рецептура, учение о повязках и операциях, акушерские ручные операции;
- е) Употребление этих средств в конкретных случаях: клиника, состоящая из *clanicum propraedenticum* и *clanicum practicum*, для терапии, хирургии и акушерства;
- ф) Медицинского законодательства вообще и российского в особенности;
- г) Медицинской полиции и истории медицины"¹⁶.

Мы привели столь значительную выдержку из Мнения К. К. Зейдлица не только для того, чтобы наглядно показать, какую альтернативу действовавшим учебным программам медицинских факультетов российских университетов предлагали Зейдлиц и его коллеги по Временному медицинскому комитету. Идея замены учебного плана и программ простой группировкой предметов была включена в Устав Университета св. Владимира 1842 г. При этом она была не просто включена в основной университетский закон в виде какого-то предложения-рекомендации, а помещена в главу II Устава вместо перечня ординарных профессорских кафедр медицинского факультета¹⁷.

У многих исследователей истории Киевского университета такое решение Министерства народного просвещения вызвало искреннее недоумение. М. Ф. Владимирский-Буданов вообще назвал сделанное разработчиками Устава 1842 г. "квази-научной классификацией доктрин" и выразил удивление по поводу появления этой "классификации" в уставе. "Трудно решить, — указывал, в частности, известный киевский историк, — зачем введена в устав эта quasi-научная классификация доктрин; она не совпадает ни с числом, ни с составом действительных кафедр..."¹⁸. Наверное, если не знать истинной подоплеку замены

обычного для всех университетских уставов XIX века перечня кафедр "классификацией доктрин", параграф 11 главы II Устава 1842 г. действительно может вызывать удивление. Однако обнаруженное нами Мнение К. К. Зейдлица с обстоятельными объяснениями того, что предложенная группировка служит одним из главных средств обеспечения безболезненного отказа от "трех жалких идей" российской системы подготовки медицинских кадров позволяет внести ясность и в этот оставшийся непонятым вопрос истории Киевского университета.

"Мнение доктора Зейдлица..." произвело на С. С. Уварова сильное впечатление. То ли его привлекла цельность и лаконичность проекта, то ли свою роль сыграли свободный, а временами даже изящный стиль изложения и ссылки на передовые университетские центры Европы, каковыми в те годы бесспорно считались университеты Германии, но министр полностью одобрил реформаторский план К. К. Зейдлица. Не вдаваясь в детали, связанные с прохождением Мнения по инстанциям в Министерстве народного просвещения, отметим, что летом 1842 г. оно практически полностью (а подчас даже текстуально) было включено в новый устав Университета св. Владимира.

К сожалению, дальнейшие события стали развиваться таким образом, что сегодня мы не можем с уверенностью ни подтвердить, ни опровергнуть правоту тех, кто предлагал внедрить в российских университетах принципы организации учебного процесса, принятые в высших школах Германии. Как справедливо заметил М. Ф. Владимирский-Буданов, включение пронемицких идей в действовавший устав Университета св. Владимира было сделано, мягко говоря, не совсем продуманно. Ряд "новых" и "старых" положений устава вступил в прямое противоречие, но на это обстоятельство никто не обратил внимания вплоть до того времени, когда Совету Киевского университета ни понадобилось вводить новый устав в действие. Вряд ли в случившемся следует винить К. К. Зейдлица и других членов Временного медицинского комитета. Они занимались разработкой только "нового плана университетского медицинского учения" и не принимали участия в подготовке окончательной редакции устава 1842 г. Те же, кто готовил и утверждал окончательный вариант, очевидно, не смогли оценить противоречивости отдельных положений нового устава, что впоследствии, с одной стороны, создало массу проблем профессорам Киевского университета, а с другой — не позволило в полной мере реализовать идеи и рекомендации К. К. Зейдлица.

Так, уже в первые годы работы университета по новому уставу выяснилось, что такие уставные положения, как фиксированный срок обучения студентов на факультетах, обязательное посещение учащимися лекций и практических занятий, строго определенная учебная нагрузка для профессоров, прямо противоречат идее организации "учебного базару", который к тому же практически невозможно насытить "качественными товарами" из-за крайне слабой материально-технической базы медицинского факультета и недостаточного объема средств, выделенных на его финансирование. Кроме того, возникли серьезные проблемы с отбором "достойных покупателей". Точнее сказать, "достойных" оказалось настолько немного, что пришлось сначала снизить требования к поступающим, а затем восстановить в числе учебных предметов медицинского факультета иностранные языки и ряд других общеобразовательных наук. Что же касается "свободного академического учения", то оно как для профессоров, так и для студентов было введено только на бумаге — в расписаниях лекций и отчетах Киевского университета. На деле же все обстояло иначе. Отправив десяток-другой студентов в карцер, руководители университета добились того, что, во-первых, учащиеся стали заранее сообщать о том, какие именно лекции и занятия они планируют посещать в течение предстоящего полугодия, а во-вторых, привели их планы в соответствие с потребностями факультета в равномерной нагрузке профессоров, внедрив фактически прежний учебный план. Когда в 1843 г. об этой практике стало известно Временному медицинскому комитету, С. С. Уваров получил от М. А. Маркуса достаточно резкое послание с просьбой членов комитета запретить киевским профессорам подобное "надругательство" над принципами "свободного академического учения". Однако в Министерстве прекрасно понимали, что действия руководителей и Совета Киевского университета носили вынужденно компромиссный характер.

Подробно все названные выше пережитки, связанные с введением в действие устава 1842 г. и началом работы в Киевском университете медицинского факультета, изложены в книге М. Ф. Владимирского-Буданова "История Императорского университета Св. Владимира"¹⁹, и нам представляется излишним вновь пересказывать уже известные факты. К написанному

¹⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Цит. соч. — С. 400—481.

¹⁵ Там же, л. 163 об.

¹⁶ РГИА, ф. 733, оп. 99, д. 701, л. 167—167 об.

¹⁷ В процессе работы над Уставом предложенные К. К. Зейдлицем 8 групп предметов были трансформированы в 5 и несколько уточнены формулировки названий каждой из групп // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1876. — Стб. 338.

¹⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. История Императорского университета Св. Владимира. — К., 1884. — 413 с.

М. Ф. Владимирским-Будановым добавим лишь, что более или менее приемлемого для нормальной работы медицинского факультета компромисса удалось добиться только к середине 50-х годов XIX века. Однако, во-первых, это был компромисс, по которому невозможно судить о правоте К. К. Зейдлица и других сторонников переноса на русскую почву пронемецких идей, а во-вторых, к этому времени уже были получены первые результаты реформирования университетского медицинского образования, осуществленного в Москве. Эти результаты были настолько впечатляющи, что дальнейший путь развития медицинских факультетов российских университетов в соответствии с

идеологией "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета" уже мало у кого мог вызвать сколько-нибудь обоснованные сомнения, что в свою очередь нашло отражение в общероссийском университетском уставе 1863 г.²⁰

Поступила 01.04.02

---

²⁰Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Разработка и внедрение этапности клинического преподавания в Московском университете. — М., 2002. — С. 139—145.